

— Трава Забвения Забот, Порошок Запечатывания Души, Таблетка Разрушения Луны, Цветок Сплетенного Кудзу... — старший ученик Зала духовных трав, бережно удерживая тяжелый ларец с чудодейственными снадобьями, почтительно опустил на колени перед Сюэ Линцзином. Лицо юноши выражало крайнюю озабоченность. Сверяясь с ворохом рецептов, он зачитал названия одно за другим, затем обвел кистью несколько темных кружков на полях и протянул бумаги главе школы. — Шишу, снадобья, которые шишу Чжан забирал в последний месяц, в основном предназначались для поддержания сил и продления жизни. Однако эти несколько лекарств выбиваются из общего ряда. Взгляните сами.

Сюэ Линцзин принял стопку листов. Чем дальше он читал, тем мрачнее становилось его лицо. Наконец он поднял взгляд и глухо произнес:

— Все они служат для жесткого подавления скверны.

— В том-то и дело! — с негодованием подхватил ученик. — То-то мы гадали, как это Сун Чжияй столько раз приходил в Зал духовных трав, а мы и ухом не повели. Оказывается, этот негодяй Чжан Цифэн покрывал мерзавца, из-за чего пострадало столько наших братьев!

— Не думаю, — вмешался Шитоу, лениво покачивая веером. — Похоже, Чжан Цифэна и самого обвели вокруг пальца.

Сюэ Линцзин опустил глаза и на мгновение задумался. Не проронив ни слова, он резко развернулся и покинул Зал духовных трав.

Шитоу поспешил за ним:

— Эй, глава Сюэ, куда это вы?

Тот даже не замедлил шага:

— К Могиле сокрытого аромата.

— Хотите выяснить, отчего на самом деле испустил дух Чжан Цифэн? — не унимался Шитоу. — Да тут и гадать нечего: его прикончил ненаглядный ученик.

Сюэ Линцзин на мгновение замер.

— Это же очевидная ловушка, — Шитоу развел руками. — Еще когда вы рассказывали мне о Чжан Цифэне, история показалась мне смутно знакомой. А когда я увидел цветы персика в зеркале, то сразу вспомнил, что книжник Цэнь говорил о происхождении этого юного Суна. Да он же точная копия Чжан Цифэна из зеркала! Тоже не обделен крупницей таланта, но для начала пути уже староват, с малых лет хилый да болезненный, и, кроме самосовершенствования, никакой другой дороги в жизни у него не осталось. И когда школа Цаншань своими руками подсовывает Чжан Цифэну такого юношу, глупо было бы не разглядеть здесь западню.

Сюэ Линцзин промолчал, переваривая услышанное, и лишь спустя время глухо обронил:

— Даже если так, это не оправдывает Чжана. Он не имел права лгать школе и укрывать скверну под нашим крылом.

— Это зловещая ци, — Шитоу легонько постучал костяным торцом веера по ветке цветущего дерева, заставив лепестки осыпаться нежным дождем. — Сун Чжиюй вовсе не жалость пытался вызвать. Он вознамерился стать проклятием для Чжан Цифэна, его личной гибелью.

Взгляд Сюэ Линцзина заледенел. Он долго стоял неподвижно, прежде чем до него наконец дошел весь ужас замысла:

— Колесо кармы... Неотвратимое возмездие. Глядя на Сун Чжиюя, Чжан видел собственное отражение. Разумеется, он ни за что не смог бы собственноручно лишить его последнего спасительного пути.

— Вот именно, — с усмешкой вздохнул Шитоу. — Чжан Цифэн никогда не подходил для духовного пути, но школа Улин приняла его и спасла ему жизнь. И теперь, когда роли переменились, прогнать Сун Чжиюя для него означало бы омыть руки чужой кровью и навсегда очернить собственную душу зловещей ци. Вы, адепты Улин, все на один лад. Даже обретая Дао и возвращая бессмертные кости, вы душой остаетесь узниками той бранный человеческой плоти, в которой провели свои первые жалкие годы... Что Чжан Цифэн, что Юй Сучин, что вы сами — все вы заложники собственного милосердия.

Сюэ Линцзин не нашелся с ответом. Он лишь тихонько погладил пальцами ребра покоящегося в ладони Веера Светлого Зеркала, погруженный в свои думы.

— Ну же, ваше драгоценное сокровище не обмануло хозяина, веер оказался самым что ни на есть подлинным! Рады? — Шитоу вдруг лукаво придвинулся ближе, сияя улыбкой, свежей, точно весенний персиковый цвет. — Не пора ли закатить пир горой по такому случаю?

Сюэ Линцзин невольно улыбнулся, глядя на его ребячество:

— Дело еще не кончено, а ты уже помышляешь о празднествах?

— Раз загадка разгадана, считай, полдела сделано, — Шитоу сладко зевнул. — Юный Сун все еще прячется где-то на территории ордена. Направьте своих учеников перерыть все три вершины вверх дном, найдите его да забейте палками — вот и вся недолга, можно будет со спокойной совестью праздновать. Любезный глава Сюэ, не забудьте записать на мой счет главный подвиг, и на пиру позвольте мне самому выбрать самые сытные блюда...

— Большинство адептов Улин давно отказались от земной пищи. Если мы и устроим трапезу, на столах окажутся лишь духовные персики да вино бессмертных, — Сюэ Линцзин едва сдержал смех и легонько щелкнул Шитоу по лбу. — Боюсь, тебе такое угощение не придется по вкусу.

— Да ну вас! — скривился Шитоу. — Знаете что, уступите лучше мне место главы школы. Уж я-то встряхну ваше застоявшееся болотце! Научу этих сухарей-заклинателей радоваться жизни, покажу, что такое истинная роскошь и как нужно брать от каждого дня все до последней капли.

Они увлеченно спорили, пока Сюэ Линцзин не подошел к уединенной постройке. Шитоу прикинул, что это должно быть книгохранилище, однако стоило им толкнуть дверь, как навстречу пахнуло изысканным благовонием, а из глубины залов донеслись сдавленные стоны и тихий плач. Звуки то затихали, то нарастали вновь, причем вторили друг другу сразу несколько голосов.

— Ого! — Шитоу округлил глаза от изумления. — Да ладно! Вот вам и святая обитель! Сюэ Линцзин, мать твою, с виду приличный человек, благообразный муж, а сам, оказывается, втайне устроил в глубине ордена самый настоящий притон и тешится тут плотскими утехами сразу со всей оравой...

Сюэ Линцзин даже бровью не повел на эту колкость. Поняв, что шутка не удалась, Шитоу шмыгнул в полумрак здания и тут же едва не сшиб лоб в лоб вышедшего навстречу Фу Цинфэна.

— Ой, — Шитоу заговорщически подмигнул. — Неужто я помешал главе пика Фу предаваться забавам? Подайте-ка кувшин, я готов искупить вину тремя чарками без закуски!

Фу Цинфэн одарил его коротким взглядом и, обернувшись к Сюэ Линцзину, с улыбкой доложил:

— Все выложили как на духу.

При слове «выложили» у Шитоу по подошвам пробежал предательский холодок. Он присмотрелся и обомлел: за поясом у Фу Цинфэна красовался пучок обыкновенной травы «собачий хвост».

Шитоу онемел.

Фу Цинфэн задорно подмигнул ему в ответ.

Сюэ Линцзин опустился за низкий столик и легким жестом велел начинать. Стоило Фу Цинфэну хлопнуть в ладоши, как двое слуг ввели в комнату босых ребятишек.

Это были Лун-гэ и Сяо Нин.

Глядя на их опухшие от слез глаза и покрасневшие голые пятки, Шитоу невольно поджал собственные пальцы на ногах.

— Говорите всю правду, с самого начала и до конца, — ровным голосом произнес Фу Цинфэн. — Если хоть в одном слове соврете...

— Не посмеем! Клянемся, не посмеем! — истошно заголосили дети, испуганно мотая головами.

Шитоу наклонился к Сюэ Линцзину и тихо спросил:

— Что здесь происходит?

— С Янской душой мы разобрались, а вот с Иньской дело темное, — отозвался Сюэ Линцзин. — Школа Цаншань слишком уж настойчиво переходила нам дорогу при наборе учеников. Сдается мне, разгадка кроется в новеньких адептах. Раз уж Веер Светлого Зеркала не выявил изъяна, пришлось прибегнуть к дедовским методам.

Услышав про «дедовские методы», Шитоу не сдержался и прыснул со смеху.

Сюэ Линцзин мягко обратился к съежившимся детям:

— Начинайте.

Разве доводилось мальчишкам слышать столь кроткий тон от грозных бессмертных? Лун-гэ почуял в этом голосе единственную соломинку и, повалившись на колени, сквозь рыдания залепетал:

— Почтенный... почтенный глава ордена! В марте нынешнего года, еще до того, как великие школы начали отбор, к нам в дом пришел какой-то даос. Кажется, Ван с горы Пяти Облаков. Он толковал отцу про фэншуй и продавал волшебные амулеты. Увидел меня — и глаза у него так и вспыхнули! Стал кричать, мол, у меня лоб высокий, печать ума на челе и редчайший дар. Твердил, будто стоит мне прикупить у него мешочек Порошка Восхождения к Бессмертию, как почтенные старейшины сразу заберут меня к себе, а там, глядишь, я и вовсе воспарю на небеса...

Сюэ Линцзин нахмурился. Шитоу же весело хмыкнул:

— Ну надо же! Обычный порошок для жульничества, а преподнесли-то как красиво!

Фу Цинфэн сухо скомандовал:

— Следующий.

Из угла выволокли еще одного босоногого ученика. Тот распластался на полу, не смея поднять головы, и торопливо затараторил, расписывая во всех подробностях, как за бешеные деньги приобрел тот самый порошок для жульничества.

— Следующий, — безжалостно обронил глава пика Фу.

Так, один за другим, перед ними предстали добрых полтора десятка юношей — все с босыми ногами, заплаканными глазами и растрепанными волосами. Когда поток слезливых признаний превратился в монотонный гул, Сюэ Линцзин утомленно взмахнул рукавом, давая знак прекратить.

Фу Цинфэн согласно кивнул:

— Ведите сюда этого проходимца с горы Пяти Облаков.

<http://bllate.org/book/18360/1798442>